

УДК 355/359+94(470.41)

КАМПАНИЯ ПО СБОРУ ТЕПЛЫХ ВЕЩЕЙ В ТАТАРСКОЙ АССР В 1941 г.

*В.Т. Сакаев, кандидат исторических наук,
доцент кафедры политических наук Набережночелнинского филиала
Казанского (Приволжского) федерального университета*

Наиболее крупным мероприятием помощи фронту, проводимым в годы Великой Отечественной войны, была кампания по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии. В советской историографии изучение кампании сводилось в основном к перечислению сухих цифр количества собранных вещей, которые чередовались с примерами проявления патриотизма со стороны населения¹, о ходе и характере кампании, механизмах и методах ее проведения особо не упоминали. Поэтому сложилось ложное представление о том, что тема раскрыта и ничего нового найти там нельзя. Полная картина событий так и осталась без внимания историков. В то же время без знания об этом крупнейшем мероприятии местных властей, которое фактически было одной из главных тем общественной жизни в тылу в 1941 г., нельзя считать наши представления о военном периоде истории Татарстана полными.

Кампания по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии в Татарии началась 9 сентября 1941 г., когда в секретном директивном письме секретарям горкомов и райкомов Татарский обком партии сообщил текст постановления ЦК ВКП(б) от 5 сентября. В нем говорилось, что, идя навстречу многочисленным предложениям трудящихся, ЦК партии обязывает обком республики организовать и возглавить сбор среди населения теплых вещей и белья для Красной Армии. Для прак-

тической работы по сбору теплых вещей и белья предлагалось создать под председательством секретаря обкома республиканскую комиссию, в составе заместителя председателя Совнаркома ТАССР, военного комиссара республики, секретаря обкома комсомола и представителя профсоюзов. При горкомах и райкомах ВКП(б) организовывались аналогичные по составу городские и районные комиссии.

Состав формируемых комиссий прямо указывал, что сбор теплых вещей будет носить принудительный для населения характер. Впрочем, в письме об этом говорилось прямо².

Согласно Инструкции Центральной комиссии по сбору теплых вещей от 06.09.1941 приему подлежали вещи и материалы в соответствии с определенной номенклатурой, с указанием желательных размеров. Приему подлежали как новые, так и годные поношенные вещи. Прием должны были производить местные комиссии, создаваемые на предприятиях, в учреждениях, совхозах, колхозах, а в городах – по кварталам и отдельным большим домам³.

Получив директиву ЦК ВКП(б), республиканские партийно-советские органы немедленно приступили к ее исполнению. Важную информацию об организации сбора теплых вещей в республике дают протоколы заседаний областной комиссии по сбору теплых вещей и белья для Красной Армии. Первый протокол датируется 10 сен-

тября 1941 г. В заседании участвовали: секретарь обкома по пропаганде С.А. Мухаметов (председатель), заместитель председателя СНК ТАССР З.В. Тинчурин, военный комиссар республики и другие. На заседании было сообщено о том, что за прошедшие сутки уже созданы районные комиссии, идет создание местных комиссий, на ряде предприятий и в колхозах уже начат сбор теплых вещей и белья. Одновременно члены комиссии определили возможную цифру сбора теплых вещей и белья в республике в 30 тысяч комплектов⁴.

Картину организации сбора теплых вещей в республике достаточно объективно рисует нам секретная докладная записка начальника организационно-инструкторского отдела обкома в ЦК партии, согласно которой создание районных и местных комиссий затянулось до 20 сентября. В записке сообщается, что в ряде районов к созданию комиссий отнеслись достаточно формально, как например в Алькеевском районе, где, в нарушение инструкции, комиссии были созданы только при сельсоветах, а в райцентре – одна общая комиссия для всех учреждений. Но так или иначе к середине октября 1941 г. в республике уже действовало 5183 комиссии, из них в колхозах – 2747, в совхозах – 37, МТС – 45, при сельсоветах – 553, при заводах, фабриках, артелях и учреждениях – 1563, при домоуправлениях – 238⁵.

О том, как процесс организации сбора проходил на местах, можно судить на примере Буинского района. Судя по отчету секретаря Буинского райкома ВКП(б), организация сбора проходила так: по получении телеграммы бюро райкома создало районную комиссию по сбору теплых вещей, затем провело инструктивное совещание секретарей парторганизаций и председателей колхозов и сельсоветов, на котором в директивном порядке были созданы местные комиссии, в каждую из которых был командирован член районного партийно-советского актива. Местные

комиссии и первичные парторганизации повсеместно организовали собрания трудовых коллективов с вопросом – «дать Красной Армии теплые вещи»⁶.

Для обеспечения массовости кампании обкомом была широко развернута массово-политическая работа, призванная сформировать в обществе патриотическое отношение к проводимому мероприятию. Республиканские и районные газеты широко освещали ход сбора теплых вещей. Так, за сентябрь только республиканская газета «Красная Татария» несколько раз выделяла по целой полосе для освещения этого вопроса. В немалой степени такое внимание прессы было обусловлено закрытыми обзорами о задачах редакций газет при проведении кампании по сбору теплых вещей, разосланными редакторам газет отделом пропаганды и агитации обкома⁷.

Бюро обкома в своем отчете в ЦК партии сообщало, что «в целях разъяснения широким слоям трудящихся значения сбора теплых вещей для Красной Армии и привлечения поголовно всех граждан к сдаче теплых вещей проведены партийные, комсомольские собрания, митинги и собрания рабочих и колхозников... Так, например, 9 сентября состоялся митинг коллектива завода имени Ленина, на котором было принято обращение ко всем трудящимся Татарии о массовом сборе теплых вещей и белья. 12 сентября проведен общегородской антифашистский митинг женщин города Казани, участники которого также обратились к женщинам Татарии. 13 сентября колхозы «Активист» и имени Ленина Нурлатского района обратились ко всем колхозникам Татарии»⁸. Проводимые митинги были призваны подкрепить тезис, выдвинутый ЦК партии, о наличии широких слоев населения, якобы выступивших инициаторами проведения кампании. Так, 15 сентября председатель областной комиссии С.А. Мухаметов указал районным комиссиям, что «всё

работа по сбору теплых вещей может быть проведена лишь на базе широко развернутой массово-политической работы среди населения. Партийные, комсомольские, профсоюзные организации должны разъяснять каждому рабочему, служащему и колхознику, что оказание помощи Красной Армии является долгом каждого советского гражданина. Широко организуйте отклики на обращение коллектива завода имени Ленина, женского антифашистского митинга г. Казани и колхозников колхозов имени Ленина и «Активист» Нурлатского района (материалы опубликованы в областной газете «Красная Татария»)»⁹. 17 сентября 1941 г. С.А. Мухаметов в секретном директивном письме № 461/7 вновь потребовал «широко развернуть массово-разъяснительную работу среди населения, используя опубликованные в областных газетах обращения коллектива завода имени Ленина, колхозников сельхозартели имени Ленина и колхоза «Активист» Нурлатского района, а также участников женского митинга в г. Казани и другие материалы из газет»¹⁰. О том, были ли эти обращения трудовых коллективов намеренно подготовлены партийными структурами, с достоверностью ответить трудно. В пользу этой версии, однако, говорит тот факт, что «инициатор» кампании – коллектив завода имени Ленина – к концу сентября сдал всего 1544 теплые вещи и оказался отстающим среди предприятий Кировского района Казани. Эти обращения появились вовремя и как нельзя лучше подходили для организации пропагандистской кампании. Выполняя установку обкома, районные комиссии развернули в ответ на опубликованные обращения массовые митинги по всей республике. Так, только в одном Таканышском районе было проведено более 200 ответных митингов и собраний, посвященных сбору теплых вещей¹¹.

17 сентября 1941 г. С.А. Мухаметов в письме председателям районных комиссий еще раз продублировал пос-

тановление ЦК от 5 сентября 1941 г. и потребовал «четко организовать сбор теплых вещей от населения и провести всю эту работу не в порядке благотворительности, а как важнейшее государственное дело». Указывалось добиваться от населения комплектной сдачи, поступления всего ассортимента теплых вещей, согласно имеющейся номенклатуре. В качестве работников районных и местных комиссий предлагалось использовать служащих советских органов власти, временно освободить их от основной работы с сохранением зарплаты. Разрешалось даже организовать продажу местной торговой сетью населению пригодных для Красной Армии теплых вещей, для последующей их сдачи в ходе кампании¹².

Проводимое мероприятие по своему характеру не имело ничего общего с благотворительностью. Это было грандиозное государственное мероприятие, для осуществления которого были задействованы все властные ресурсы партийно-советских органов. По районам республики было установлено строго обязательное количество теплых вещей, подлежащих сбору. 17 сентября 1941 г. областная комиссия по сбору теплых вещей прямо указала: «телеграммой от 15 сентября 1941 года до вашего района были доведены размеры сбора наиболее важных теплых вещей для Красной Армии. Эти цифры являются строго обязательными и количество вещей, указанное в телеграмме, должно быть безусловно собрано в установленный срок, то есть к 15 октября»¹³. Ориентировочные цифры показывают, что подход к определению заданий по районам был дифференцированным. Например, количество полушубков, подлежащих сдаче, варьировалось от 200 до 400 штук в зависимости от величины района; нательного и теплого белья – от 50 до 1000 штук; шаровар и свитеров – от 50 до 300 штук; постельного белья – от 50–100 до 1000–2000 штук и т.д. Максимальные цифры приходились

на Зеленодольский, Елабужский и Бу-гульминский районы и на г. Казань. Всего предполагалось собрать 870630 теплых вещей, из них по сельским районам – 519130 теплых вещей и по г. Казани – 351500¹⁴.

В то же время при проведении кампании местные органы власти оказались в достаточно щекотливом положении: с одной стороны, спущенный сверху план должен быть безусловно выполнен, а для этого необходимо придать ему обязательный характер, с другой – кампания представлялась пропагандой как добровольная помощь населения фронту и поэтому не должна была принимать характер поголовного обложения. Для разрешения этого противоречия сбору теплых вещей был придан завуалированный вид, скрывавший его обязательный характер. Об этом, в частности, говорилось в директивном письме областной комиссии от 15 сентября 1941 г., когда, телеграфируя каждому району о намеченном количестве сбора восемнадцати наименований наиболее необходимых теплых вещей и указывая, что «районная комиссия должна развернуть работу исходя из этих цифр», давалось предупреждение: «ориентировочные цифры предприятиям, учреждениям, колхозам и совхозам или какую-либо раскладку среди населения не устанавливайте». 17 сентября 1941 г. С.А. Мухаметов еще раз строго указал председателям районных комиссий: «никаких контрольных цифр или заданий по колхозам, предприятиям или учреждениям или раскладку среди населения устанавливать не следует»¹⁵. Обком партии очень пристально следил за исполнением этого пункта и сурово наказывал нарушителей¹⁶. Благодаря этому сбор теплых вещей, который являлся по сути натуральным чрезвычайным налогом, не выглядел фискальной мерой в глазах общества. Запрет производить раскладку плана сбора на конкретных людей в определенной степени гарантировал властям то, что собирать будут только с тех, кто действительно

имеет возможность сдать теплые вещи. Все это давало возможность представить обязательное мероприятие как добровольную кампанию народной помощи.

В то же время спускаемые сверху обязательные планы повсеместно не выполнялись. На 11 октября 1941 г. план был полностью выполнен лишь по ватным курткам, овчинам и шерсти; по шерстяным перчаткам, шапкам-ушанкам и ватным шароварам был выполнен примерно наполовину, а по остальным наименованиям и того меньше¹⁷. Даже мощная пропагандистская поддержка кампании первоначально не дала необходимого результата.

Традиционно причины неудачи бюро обкома увидело в слабой активности нижестоящих партийных и советских структур. Чтобы подстегнуть активность партийно-советского аппарата в этом деле, бюро обкома 26 сентября 1941 г. обязало горкомы и райкомы ВКП(б) рассмотреть на заседаниях своих бюро ход кампании и принять меры, обеспечивающие выполнение плана. 29 сентября 1941 г. бюро Казанского горкома ВКП(б) в присутствии первого секретаря обкома А.М. Алемасова, уполномоченного комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) по ТАССР И.Е. Шмелькова провело за провал кампании показательную «эxecуцию» председателей районных комиссий Кировского и Ленинского районов. На 29 сентября по Кировскому району было собрано всего 3680 теплых вещей, или 5,8% от принятых на себя (или вернее сказать установленных сверху) обязательств, по Ленинскому району – 1662 вещи, или 2,6% от обязательств. Были выявлены факты, когда в ряде парторганизаций коммунисты и руководители предприятий уклонились от участия в кампании. Председателям районных комиссий «за провал боевого задания партии» объявили выговор с занесением в учетную карточку и предупредили о возможном исключении из партии в случае, если положение не будет исправлено. Партийным бюро указали

обсудить вопрос об ответственности членов ВКП(б), не принимающих личного участия в сборе. В заключение прозвучало жесткое предупреждение партийным и советским чиновникам, что по результатам проведения этой кампании горком будет судить о способностях и умении руководителей перестраивать всю работу в соответствии с условиями военного времени¹⁸. 2 октября 1941 г. секретарь обкома С.А. Мухаметов подтвердил всем райкомам партии указание «коммунистов и комсомольцев, плетущихся в хвосте, привлечь к ответственности»¹⁹.

9 октября, когда стало ясно, что своевременное, к 15 октября, исполнение плана сорвано, бюро обкома от угроз перешло к действиям, объявив строгий выговор 3 секретарям райкомов за необеспечение выполнения решения ЦК партии²⁰. В постановлении обкома от 9 октября 1941 г. отмечалось, что большая часть колхозников, рабочих и служащих не привлечены к сбору, руководители, партийные, советские и комсомольские активисты не показывают личного примера, ограничиваясь сдачей незначительных и малопригодных вещей. По каждому району приводились фамилии таких руководителей. В постановлении объявлялся выговор секретарям Столбищенского, Верхнее-Услонского и Дубязского районов и выносилось предупреждение об их возможном исключении из партии в случае, если ситуация не будет выправлена. Объявлялось предупреждение руководителям Тетюшского, Алькеевского, Кзыл-Армейского и ряда других районов²¹. В двадцатых числах октября 1941 г. началась массовая проверка хода кампании по сбору на предприятиях г. Казани. Составлялись списки коммунистов и руководящих работников, не участвующих в сдаче для принятия к ним санкций, причем сдача отдельных теплых вещей для этих категорий считалась недостаточной – от них требовали сдачи нескольких вещей каждым с учетом размера заработной платы²².

Проверка состояния партийно-воспитательной работы на предприятиях показала, что партийная принадлежность человека отнюдь не означала его патриотического настроения. Практически на всех проверенных предприятиях имелись случаи отказа коммунистов и хозяйственных руководителей от сдачи теплых вещей или было лишь номинальное участие в кампании. Так, на комбинате «Спартак» в октябре 1941 г. два коммуниста, отказавшиеся участвовать в сборе теплых вещей, были исключены из партии. На кожевенном заводе имени Ленина двое коммунистов были исключены из партии за противодействие кампании, отдельные коммунисты сдавали теплые вещи только после угрозы получения выговора и исключения из партии. На мыловаренном заводе имени Вахитова к 22 октября 1941 г. из 17 коммунистов 11 не внесли теплые вещи, в том числе и секретарь парторганизации Матвеев. Отдельные члены партии заявляли: «я и так достаточно плачу», «я сам голый», «подумаю, может быть, что-нибудь внесу»²³. По заводу №124 на 25 сентября из 750 коммунистов внесли теплые вещи только 7 членов партии и из 2500 комсомольцев – только 13 человек; по тресту №14 из 135 коммунистов не сдали ни одной вещи 38 человек; на пристани Казань из 40 коммунистов не внесли теплые вещи 32 человека, в их числе и некоторые руководители пристани и парторганизации²⁴. Аналогичная ситуация имела место не только в Казани, но и в других городах и сельских районах. В Зеленодольске на заводе имени Горького к середине октября из 216 коммунистов сдали теплые вещи только 62 человека. Из 200 коммунистов Кзыл-Юлдузской парторганизации лишь 54 человека приняли участие в кампании по сбору. В Таканьшском районе, где, напомним, прошло более 200 митингов в поддержку кампании, из 10178 колхозников не участвовали в сдаче теплых вещей 5726 человек. В качестве отстающих также назывались

Челнинский, Больше-Тарханский, Агрызский, Балтасинский, Ципьинский, Елабужский, Верхне-Услонский и другие районы. Отмечались случаи уклонения от участия в сборе не только части партийно-советского аппарата и рядовых коммунистов, но даже руководителей районных комиссий по сбору в Верхне-Услонском и Кзыл-Юлдузском районах²⁵. В отношении каждого из них были приняты меры партийного воздействия.

Эти усилия подстегнули ход кампании. Партийные чиновники, почувствовав возможность личной ответственности за провал кампании, взялись за энергичное исполнение требований обкома. В результате на конец октября на предприятиях Казани процент участвующих в кампании значительно увеличился: на жиркомбинате было охвачено уже 41,8% рабочих, на заводе СК-4 – 72% рабочих и 90% коммунистов, на ряде предприятий, в частности, на фабрике «Спартак», заводах № 237, № 379 этот показатель достиг 100% от числа рабочих. На некоторых же предприятиях ситуация не изменилась и в сборе по-прежнему участвовало меньше половины членов трудового коллектива: на заводе имени Ленина – 50% рабочих, на мехкомбинате – 21,1%, кожзаводе – 11% и т.д.²⁶

Районные комитеты партии также приняли меры в отношении нижестоящих партийных структур. 11 ноября 1941 г. в политинформации секретарь Чистопольского райкома партии, констатируя выполнение плана менее чем на 50%, причину такого положения увидел в том, что многие местные партийные руководители не придали делу государственной значимости, а главное не показывали в этом личного примера. Первичным партийным организациям было предложено обсудить поведение своих членов, уклоняющихся или не проявляющих достаточной активности, в деле сбора теплых вещей и белья²⁷.

Необходимо обозначить и реакцию широких слоев населения на кампанию. Среди значительной части на-

селения она действительно вызвала патриотический порыв и примеры самоотверженности, в частности, работница Чистопольской артели «Швейник» Борисова заявила: «Я буду сидеть на воде и хлебе, а что заработаю, отдам дорогим бойцам на теплые вещи, чтобы они у нас не мерзли»; на комбинате «Спартак» в октябре 1941 г. 60-летняя беспартийная работница Малыгина заявила, что готова отдать свой месячный оклад для помощи фронту, и надо сказать, что таких примеров была масса²⁸. Определенное влияние на формирование настроений общественности в деле сбора оказывали и материалы, публикуемые в газетах. Например, коллектив Чистопольского винного завода, обсудив опубликованную ноту В.М. Молотова о зверствах немецких фашистов над пленными, постановил отработать в декабре 2 дня для дополнительного приобретения теплых вещей для Красной Армии²⁹. Таким образом, массовое участие населения в сборе теплых вещей было не только результатом проведенной агитационно-пропагандистской работы, но и следствием присущего народу духа самоотверженности, готовности поделиться последним.

В то же время проведение кампании нередко вызывало и другую, негативную, реакцию среди некоторой части населения. Имели место высказывания вроде: «Почему наша страна так скоро обнищала, воюем всего четыре месяца, а уже собирают варежки, носки, валенки и другие вещи для Красной Армии; большевики, бывало, говорили, что нам запаса хватит на 10 лет, а оказалось, что за четыре месяца все съели»³⁰. Часть населения, уже ощутившая тяготы войны, вызванные неудачами Красной Армии, воспринимала кампанию как подтверждение несостоятельности правительства и его попытку исправить собственные просчеты путем дополнительного обложения населения.

Несомненно, определенную роль в формировании негативного отноше-

ния сыграли и перегибы, допущенные местными властями, которые под угрозами вышестоящих органов стремились выполнить план сбора любой ценой. Немало ошибок допустили и республиканские органы власти. Результаты проведенной в марте 1942 г. проверки работы республиканской комиссии показали, что «работа по сбору теплых вещей для Красной Армии по Татарской республике находится в запущенном состоянии: правильного учета собранных от населения теплых вещей не ведется». Была вскрыта практика завышения в отчетах результатов, когда «республиканская комиссия... в рубрике «овчины» учитывала опоек, свинье, коровьи кожи и т.д.». По 13-ти районам при сдаче на республиканские склады выявилась недостача овчин, причем по Ворошиловскому району недоставало сразу 226 собранных овчин, по Ципьинскому – 101 овчина. На примере двух крупных случаев хищения собранных вещей при перевозке из районов был сделан вывод, что «со стороны районных и республиканской комиссий не ведется надлежащей борьбы с пропажей и хищениями собранных для Красной Армии теплых вещей». Отмечены были и факты нераспорядительности республиканских руководителей, когда на меховом комбинате под угрозой порчи оказалось 18 тысяч собранных овчин, которые в течение 2–3 месяцев валялись в неразобранном виде. Имел место и возмутительный случай продажи через торговую сеть 392 полушубков, изготовленных из собранных у населения овчин³¹. Подобные случаи прямо компрометировали кампанию, поэтому Центральная комиссия потребовала строго наказать виновных.

О количестве собранных вещей можно узнать из отчетов республиканской комиссии по сбору и материалов финансово-хозяйственного сектора обкома, на который был возложен учет собранных вещей, причем необходимо отметить, что их данные нередко расходятся друг с другом. По установлен-

ному плану сбора ТАССР должна была в 1941 г. собрать свыше 800 тысяч теплых вещей и белья 21 наименования, кроме того, еще по 12 наименованиям план не устанавливался. Всего на 1 января 1942 г. было собрано 564040 теплых вещей и белья, из них входящих в план – 554023, то есть план по республике был выполнен по этим наименованиям в среднем на 68,3%. В то же время в 1941 г. по Татарии было собрано 301,1 тысячи полушубков, пар валенок, меховых рукавиц, носков, чулок, комплектов теплого белья, шаровар и курток, шапок-ушанок, свитеров и фуфаяк и по этим наиболее важным видам теплой одежды и белья республика имела средний показатель выполнения – 93,3% плана, а по полушубкам, шароварам и курткам план был даже перевыполнен³². Наиболее трудно, судя по данным, шел сбор летних и теплых портянок, нательных рубашек и кальсон, свитеров, шерстяных носков и чулок, то есть нижней нательной одежды. Возможно, по каким-то психологическим мотивам население тяжело сдавало подобные вещи, напоминавшие о близком человеке. Было собрано также 2068 шлемов-пилотов, 1599 гимнастеров и 574 шинели, то есть собирали теплые вещи даже у вернувшихся с фронта раненых бойцов. Было также собрано 76800 кг шерсти и 76347 овчин³³.

По данным финансово-хозяйственного сектора обкома, динамика сбора такова: за двадцать дней с 15 сентября по 4 октября было собрано 129 тысяч теплых вещей и белья, с 5 октября по 20 октября – еще 215 тысяч, с 21 октября по 17 ноября – 105 тысяч, с 22 ноября по 11 декабря – 83 тысячи, затем до 1 января – еще 9 тысяч. Таким образом, за две последние декады декабря было собрано всего 2,2% от плана, или 1,1% в декаду, тогда как в предшествующие 10 декад выполнялось в среднем по 6,8% плана за декаду³⁴. Наивысшие показатели сбора теплых вещей, около 400 тысяч теплых вещей из 554 тысяч собранных всего в 1941 г., приходится

на октябрь и ноябрь, на период наиболее тяжелых и решающих боев под Москвой, от которых зависела судьба Родины. Это, несомненно, является подтверждением патриотического настроения большинства населения Татарии. Снижение же числа собранных вещей в декабре можно объяснить, с одной стороны, переходом Красной Армии в контрнаступление, что свидетельствовало о некотором переломе в войне в пользу СССР и, в свою очередь, ослабило интерес к сбору теплых вещей и у населения, и у властей. С другой стороны, объяснить можно и тем, что собрали уже все имевшиеся излишки, в частности на это указывали некоторые секретари райкомов.

В январе 1942 г. республиканские власти попытались возобновить сбор. Предпринимались значительные, но безуспешные усилия, чтобы оживить кампанию. В дальнейшем, с падением сборов, постепенно снижался интерес властей к проведению кампании, и она вскоре совсем прекратилась.

Изучение хода кампании по сбору теплых вещей в 1941 г. показывает, что это был далеко не такой однозначный процесс, каким его представляла

советская историография. Кампания сбора теплых вещей не являлась благотворительной акцией, для ее проведения были задействованы значительные властные ресурсы, вследствие чего она во многом приобрела характер чрезвычайного натурального обложения населения. Разной была и реакция населения республики на данное мероприятие властей, хотя большая часть населения отнеслась с пониманием и кампания встретила патриотический отклик. Определенные ошибки и перегибы при проведении кампании имели место на всех уровнях власти. Тем не менее следует сказать, что проведение данной кампании было в тот момент жизненно необходимо. Общеизвестно, какое огромное преимущество получили советские войска во время боев под Москвой благодаря отличной зимней экипировке. Население Татарской республики, давшее более полумиллиона теплых вещей и тем самым обеспечившее одеждой и обувью фактически целую армию, внесло огромный вклад в разгром немецких войск под Москвой в 1941 г. и в победу советского народа в войне в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. например: *Гильманов З.И.* Татарская АССР в Великой Отечественной войне (1941–1945 гг.). – Казань: Татар. кн. изд-во, 1977. – С. 251–255.

² «ЦК ВКП(б) обращает внимание обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, что вся работа по проведению сбора теплых вещей для Красной Армии должна проводиться не в порядке благотворительности, а как важнейшее государственное дело». См: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 123. Л. 83–83 об.

³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 202. Л. 156–157 об.

⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 1–2.

⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 129. Л. 125.

⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 298. Л. 104–105.

⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 200а. Л. 70–72.

⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 129. Л. 125–126.

⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 123. Л. 82об.

¹⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 123. Л. 86.

¹¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 129. Л. 125–126.

¹² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 123. Л. 84.

¹³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 123. Л. 86.

¹⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 25–26.

¹⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 123. Л. 82об., 86–86 об.

¹⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328, Л. 77–77 об.

- ¹⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 41, 53.
¹⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 7–8 об.
¹⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 29–30.
²⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 129. Л. 130–131.
²¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 10–13.
²² В фондах обкома партии сохранились датированные серединой октября 1941 г. списки руководящих работников заводов №124, №27, №387 и треста №14 с указанием, кто, что и в каком количестве из теплых вещей сдал на 09.10.1942 г. См.: ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 79–82.
²³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 210. Л. 29–32, 97–97 об., 102–103.
²⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 7–7об.
²⁵ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 129. Л. 129–130; Д. 131. Л. 104.
²⁶ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 328. Л. 39–40.
²⁷ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 138. Л. 59–60.
²⁸ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 138. Л. 75. Д. 210. ЛЛ. 29–32.
²⁹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 138. Л. 84–85.
³⁰ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 462. Л. 62.
³¹ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 444. Л. 15–15 об., 17, 18–19.
³² ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 444. Л. 6–7.
³³ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 131. Л. 203.
³⁴ ЦГА ИПД РТ. Ф. 15. ОП. 5. Д. 329.

Аннотация

В статье представлена картина проведения в Татарской республике в 1941 г. кампании по сбору теплых вещей. Кампания по сбору теплых вещей являлась одним из важнейших государственных мероприятий того времени и сыграла значительную роль в победе Советской армии под Москвой зимой 1941 г. Кампания проводилась партийно-советскими органами Татарии с использованием всего арсенала властных ресурсов. В то же время в отечественной историографии сложилась традиция представлять данное мероприятие как исключительно добровольную помощь народа. Автор попытался раскрыть в статье ход, характер, методы и механизмы проведения данной кампании.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Татарская АССР, кампания по сбору теплых вещей.

Summary

The picture of carrying out the campaign for gathering warm things in Tatarstan in 1941 is represented in the article. The campaign for gathering warm things was one of the major state actions of that time and played a considerable role in the victory of the Soviet army near Moscow in the winter of 1941. The campaign was carried out by the party and soviet authorities of Tatarstan with the use of all the arsenal of imperious resources. At the same time there was a tradition to represent the given action as exclusively voluntary help of the people in the native history. The author tried to show in this article the course, character, methods and mechanisms of carrying out the given campaign.